

АГРАРНАЯ ЭКОНОМИКА СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В.М. Рынков

Институт истории СО РАН,
Новосибирск

vadsvet@list.ru

Данные сельскохозяйственной статистики анализируются с привлечением источников иных видов. Это позволило критически взглянуть на ключевые статистические источники: сельскохозяйственные переписи 1916, 1917 и 1920 гг. В результате перекрестного анализа статистических, делопроизводственных и повествовательных материалов автор пришел к выводу, что рост аграрного производства в Сибири в годы Первой мировой войны, как он рисуется из известных статистических источников, едва ли можно признать достоверным, зато по ряду показателей прирост производства продолжался даже в годы Гражданской войны.

Ключевые слова: сельскохозяйственные переписи, посевные площади, урожайность, поголовье скота, статистический учет.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.2-42-50

Сибирь в Первой мировой войне была глубоким тылом империи, но ее население и экономика в полной мере оказались втянуты в нее. Из сибирской деревни в армию призвали чуть более миллиона человек. Каждые два крестьянских хозяйства из пяти к лету 1917 г. остались без работников-мужчин трудоспособного возраста [9, с. 65, 72, 77, 84]. К концу 1916 г. мобилизации изъяли из сибирской деревни в разных губерниях на 5–10 % больше трудоспособного мужского населения, чем в среднем по России (47,8 %). На Акмолинскую губернию приходился максимальный в России отток трудоспособного сельского населения, связанный с войной (60 %). Часть мобилизованных вернулась домой в 1917 г., но начавшаяся Гражданская война снова вырвала часть работников-мужчин, бойцов Красной и Белой армий, участников партизан-

ского движения. На этот раз боевые действия прошли по сибирской территории.

Наряду с оттоком работников серьезной проблемой стало ухудшение технической обеспеченности аграрного производства. Первая мировая война сократила поток в Сибирь новой сельскохозяйственной техники. К лету 1917 г. исправные машины составляли 60 % от имевшихся [6, с. 109]. К 1920 г. еще 40 % наличной техники было из строя. Решающим фактором производства оставался ручной труд, роль которого только повышалась.

Казалось бы, многие катализаторы кризисных явлений в Сибири обнаруживались с такой же очевидностью, как и в других регионах страны. Но война воздействовала на аграрный сектор Сибири иначе, чем в европейской части России. Достаточно сопоставить ключевые показатели, опираясь на

сельскохозяйственные и поземельные переписи 1916, 1917 и 1920 гг. [2, 9, 10].

В европейской части России в 1914–1916 гг. наблюдалось непрерывное сокращение посевных площадей, составившее в целом 12 %. В Сибири в 1914 г. они увеличились на 5 %, в 1915–1916 гг. немного сократились, но оставались больше, чем до войны. В революционном 1917 г. российские крестьяне начали реализовывать вековые чаяния о «черном переделе». Повсеместное увеличение площади посевов в масштабах всей России составило 5 %, и, следовательно, к довоенному размеру посевов вернуться не удалось. В Сибири же, наоборот, их рост был стремительный – на 14 % от размеров 1913 г. В результате доля Сибири в посевах зерновых культур России за 1914–1917 гг. увеличилась с 9,5 % до 11,5 %. К 1920 г. общероссийская пашня не досчиталась почти четверти площадей (23 %). В Сибири же сокращение составило только 8 %.

Важнее проследить изменение валовых сборов зерновых, переписями не зафиксированный. Как известно, в Российской империи этот показатель сильно зависел от погодных условий. Поэтому не всегда увеличение площади посевов оборачивалось ростом сбора хлебов, и наоборот. В европейской части России в 1914 и 1915 гг. погода была благоприятная. Несмотря на сокращение посевной площади, сборы хлебов выросли на 9 % и 12 % соответственно. В неурожайный же 1916 г. они оказались на 7 %, а в 1917 г. еще на 5 % ниже довоенных вопреки росту посевных площадей. В Сибири погода задавала иную динамику: 1914 г. – необычайно урожайный, следующий 1915 г. – неурожайный, а 1916-й – урожайный, но без особого перепроизводства. Зато в 1917 г. увеличение посевной пло-

щади совпало с благоприятными погодными условиями. Менее обильными, но в целом урожайными оказались следующие два года. Доля Сибири в зерновом производстве страны в эти годы сильно колебалась: в 1914 г. – 8 %, в 1915 г. – 4,3 %, в 1916 г. – 6,7 %, в 1917 г. – 12,4 %, в 1920 – 15 % [13, с. 293].

Аналогичная картина наблюдалась в животноводстве. В России поголовье лошадей к 1916 г. сократилось на 10 %, а крупного рогатого скота – на 12 %. В период Гражданской войны оно продолжало неуклонно снижаться и к 1920 г. составило соответственно 77 % и 73 % от показателей 1916 г. [18, с. 270–271]. В Сибири известные источники свидетельствуют о неуклонном росте поголовья всех видов скота до 1916 г. включительно. Так, по сравнению с 1913 г. поголовье лошадей увеличилось на 15 % к 1916 г., крупного рогатого скота и мелкого скота – на треть. И хотя сельскохозяйственная перепись 1917 г. зафиксировала значительное сокращение поголовья скота (по разным видам на 8–15 %) по сравнению с прошлым годом, оно оставалось большим, чем в предвоенное время. В 1920 г. под влиянием Гражданской войны поголовье лошадей выросло на 2,5 %, КРС – сократилось на 15 % и вернулось к довоенному уровню, а поголовье овец и свиней, при сокращении на 14 % и 10 % соответственно, превышало довоенное [3, с. 158].

Рост производительных сил в сельском хозяйстве во время войны – явление противоестественное. Наличие таких показателей требует критического осмысления статистических данных.

При изучении динамики посевных площадей историки обращались к сведениям, представленным в монографиях В.Г. Тюкавкина [19, с. 303] и Л.М. Горюшкина [4,

с. 252]. Упомянутые ученые опирались на данные Центрального статистического комитета и сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 г. Согласно этим данным, площадь посевов в 1915 г. сократилась на 2,6 %, а в 1916-м и 1917-м выросла на 0,9 % и 10,8 %. Но динамика в разных губерниях имела специфику. Невысокие темпы роста площадей определялись ситуацией в Томской губернии, где посевные практически не превысили довоенный уровень даже в 1917 г., тогда как в других административных единицах наблюдался непрерывный рост. Анализ известных статистических первичных данных позволил советским авторам сделать вывод об увеличении посевных площадей в Сибири в годы Первой мировой войны и выдвинуть тезис о стимулирующем ее влиянии на зерновое хозяйство. Эту идею, порой с рядом оговорок, разделяет большинство современных исследователей [6, с. 104; 7, с. 122]. Что касается периода Гражданской войны, то большинство авторов подчеркивало, что падение площади посевов в столь неблагоприятных условиях могло только сокращаться, и лишь после разгрома Белой армии наметилось некоторое восстановление. Последнее обстоятельство и получило отражение в переписи 1920 г.

Данные переписей поставил под сомнение И.В. Островский, предположивший, что зафиксированные ими показатели отражают не реальный прирост посевов, а лишь более точную их фиксацию. Исследователь полагал, что в 1914–1916 гг. посевы непрерывно сокращались, и лишь в 1917 г. произошло их увеличение [8, с. 117, 120]. Вывод подтверждался и материалами текущей статистики, опиравшейся на опросы сельских корреспондентов. В Томской губернии эксперты фиксировали в 1915 и

1916 гг. сокращение посевных площадей на 30 %, т. е. куда больше, чем отражено в переписях. О спаде говорили и в других сибирских регионах вопреки результатам переписи 1916 г.

И.В. Островский в значительной мере воспроизвел точку зрения сельскохозяйственных статистиков 1920-х гг. Они считали, что и переписи 1916 и 1917 г. занижали реальные размеры посевов, так как базировались на ответах респондентов-крестьян, всегда склонных преуменьшать размеры своих хозяйств. Проблему решали путем введения 10 % поправочного коэффициента в показатели 1913, 1916 и 1917 гг. и получали совершенно другую динамику: в 1913 г. – 5950 тыс. дес., в 1916 – 5814 тыс. дес., в 1917 г. – 6470 тыс. дес. Но нужно учесть, что исторический максимум пришелся не на 1913-й, а на 1914 г., и он превосходил на 8 % предвоенные посевы. А значит, мы получим 10 % снижения площадей к 1916 г. и рост посевных площадей к 1917 г., лишь на 1 % превысивший довоенный. Применительно к переписи 1920 г. в статистической литературе использовался поправочный коэффициент 15 %, что позволяло показать прирост посевных площадей сравнительно с 1917 г. Необходимо, однако, учитывать текущую статистику и экспертные сообщения за 1918 и 1919 гг., свидетельствующие о продолжавшемся росте посевных площадей не менее чем на 7–8 %. Следовательно, в 1920 г. с установлением советской власти шло стремительное сокращение площадей посевов и возвращение к уровню приблизительно трехлетней давности [14, с. 155].

В табл. 1 показана динамика посевных площадей в Сибири в сопоставлении с общероссийскими показателями как без поправочных коэффициентов, так и с ними.

151,2 % и 65,5 % соответственно, в том числе с 1915 по 1916 г. на 23,7 %, 38,8 %, 114,9 % и 65,9 % соответственно [3, с. 48].

Проведенный И.В. Островским анализ убедительно показал, что недоучет существенно искажал динамику животноводства в дореволюционный период. Сельскохозяйственная перепись 1916 г. учла состояние животноводства значительно полнее, чем исследования ЦСК, на которых основаны все предшествовавшие сведения о поголовье [8, с. 116]. Нельзя также исключать влияния на существенную разницу в цифрах фактора забоя скота, который имел сезонный характер, и поэтому учет, проведенный в разные месяцы, мог показать сильные колебания, являвшиеся сезонными, а не годовыми.

Детально исследовавший данную проблему В.И. Пронин обнаружил, что в материалах ЦСК, в отличие от сельхозпереписей, учтены только взрослые животные. Исключив из имеющихся в его распоряжении данных переписей молодняк рабочего и продуктивного скота, исследователь получил следующую картину развития животноводства в годы Первой мировой войны: в 1915 г. численность КРС увеличилась на 3,0 % и свиней на 16,9 %, численность лошадей не изменилась, а мелкого рогатого скота незначительно уменьшилась; в 1916 г. поголовье всех перечисленных видов скота выросло на 7,4 %, 19,5 %, 9,2 % и 8,1 %, а в 1917 г. сократилось на 8,5 %, 2,3 %, 4,4 % и 1,4 % соответственно [11, с. 115].

Нельзя исключать, что расчеты В.И. Пронина также не отражают реальной картины состояния животноводства в части сравнения сведений за 1916 г. и за предыдущие годы. Нет уверенности и в том, что корректными являются материалы переписи 1917 г. Ряд территорий пере-

пись не охватила, что привело к недоучету 12 % сибирского населения и их хозяйств. Невозможно определить, какое количество скота из-за этого не попало в перепись. Точного ответа на вопрос о динамике развития численности рабочего и продуктивного скота в Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн переписи дать не могут. На нее влияло множество разнонаправленных факторов: армейский спрос, состояние кормовой базы, государственное регулирование рынка и уровень закупочных цен, внутривладельческое потребление и др.

Фактором роста служили последствия массового аграрного переселения в предыдущие годы. Переселенцы в момент вселения заводили относительно небольшие хозяйства. По мере адаптации к местным условиям они наращивали свою состоятельность. Необходимость поддерживать достигнутый уровень посевных площадей или их расширение в условиях нехватки рабочих рук являлась стимулом к наращиванию поголовья рабочего скота.

Военное ведомство вело масштабные закупки лошадей, оплачивая их по достаточно высоким ценам. В связи с этим хозяева выращивали приплод специально на заказ для армии. Комиссии отбраковывали часть предлагавшихся лошадей, но тех, что покупали, было достаточно для вознаграждения усилий. Следует также отметить, что за ростом поголовья лошадей скрывалась их качественная деградация – лучшие экземпляры выбывали в армию.

Существенное влияние на состояние животноводства оказывали заготовки мяса. Перед войной Сибирь вывозила за пределы региона до 4 млн пудов мяса. Уже осенью 1914 г. здесь началась скупка мяса для армейских нужд, что вызвало

рост цен и привело к забою скота. С осени 1914 г. на сибирские рынки устремились контрагенты продовольственных организаций из российских городов. Повышенный спрос мог быстро привести к сокращению общего поголовья стада. Но выгодная рыночная конъюнктура и избыток кормов стимулировали быстрое возобновление поголовья. При этом молочные породы постепенно заменялись мясными. Особенно выгодна проводимая политика была крупным предпринимательским хозяйствам, целенаправленно наращивавшим поголовье скота.

Однако большинство документальных источников свидетельствует о том, что в крестьянских хозяйствах количество скота все же сокращалось, т. е. фиксируют тенденцию, прямо противоположную статистическим данным. Неурожайный 1915 г. для некоторых районов обернулся настоящей засухой, вызвавшей падеж скота. На Алтае, в частности, поголовье молочного скота сократилось на 1 млн голов. Монополизация рынка, введение невыгодных производителю твердых закупочных цен на животное масло, запрет его экспорта, недостаточная и сокращающаяся в связи с постепенным обнищанием городского населения емкость внутреннего рынка заставили крестьян резко снизить товарное производство молока и сбросить лишнее поголовье молочного скота. В результате вывоз мяса из Сибири, составлявший в 1913 г. 4,2 млн пуд., в 1914 г. снизился до 3 млн пуд., но в 1915 г. вернулся на довоенный уровень. В 1916 г. из Сибири вывезли 1,1 млн коров и быков, а вывоз мяса из региона в целом поднялся до 6,1 млн пуд. [5, с. 151; 12, с. 80]. Общественность забила тревогу, требуя предпринять экстраординарные меры для спасения сибир-

ского животноводства. На этом фоне данные переписи 1916 г. можно интерпретировать только как новый шаг в учете поголовья скота.

Перепись 1920 г. отражает как дальнейшее сокращение поголовья скота, так и изменившуюся методику и степень полноты учета. Ответить на вопрос, в какой пропорции зафиксированная убыль распределяется между данными факторами, современное состояние источников не позволяет. Но оно дает основание считать, что перепись 1920 г. несколько преувеличила кризисные явления в сельском хозяйстве.

Подводя итог, отмечу, что рост аграрной экономики Сибири в годы Первой мировой войны, как он рисуется из известных статистических источников, едва ли можно признать достоверным. Вероятное всего, прирост производства был очень скромным, а возможно, происходило и некоторое падение, которое мы не прослеживаем лишь ввиду более качественного и полного учета, организованного в связи с войной. Но даже самые пессимистические оценки с очевидностью свидетельствуют об отсутствии в Сибири обвала аграрного производства.

Литература

1. Горюшкин А.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX): монография. – Новосибирск: Наука, 1967. – 412 с.
2. Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года (по губерниям и районам). – М., 1926. – 380 с.
3. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг.: монография. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2007. – 170 с.
4. История крестьянства Сибири. В 5 т. Т. 3. Крестьянство Сибири в период строительства

социализма, 1917–1937 гг. / гл. ред. Н.Я. Гущин. – Новосибирск: Наука, 1983. – 392 с.

5. *Кротт И.И.* Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы): монография. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. – 336 с.

6. *Кротт И.И.* Сельское хозяйство Западной Сибири, 1914–1917 гг. // Вопросы истории. – 2011. – № 11. – С. 103–118.

7. *Кушир Е.Н.* Развитие сельского хозяйства Сибири в годы Первой мировой войны // Вопросы методологии и истории в работе молодых ученых: сборник статей. – Омск, 2011. – Вып. 4. – С. 120–126.

8. *Островский П.В.* Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 годов как исторический источник // Крестьянство Сибири в период разложения феодализма и развития капитализма: сборник статей. – Новосибирск, 1979. – С. 112–122.

9. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. – М., 1921. – 92 с.

10. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 3: Степной край, Сибирь и Дальний Восток. По-уездные, погубернские и порайонные итоги. – Петроград, 1917. – 131 с.

11. *Пронин В.И.* Скотоводство Сибири XIX – начала XX вв. (к статистике вопроса) // Из истории Алтая: сборник статей. – Томск, 1978. – С. 95–130.

12. *Пронин В.И.* Сибирь в составе всероссийского и мирового рынков в начале XX в.

(1897–1917 гг.): материалы к спецкурсу. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 1999. – 89 с.

13. *Рышков В.М.* Зерновое производство в годы Первой мировой войны // Ежегодник по Аграрной истории Восточной Европы. – М.; Брянск, 2012. – 2012: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. – С. 291–298.

14. *Рышков В.М.* Зерновое производство Сибири в годы революции и Гражданской войны // Экономическая история Сибири XX – начала XXI в.: материалы II всероссийской научной конференции, 27–28 июня 2009 г. – Барнаул, 2009. – С. 152–159.

15. *Рышков В.М., Ильиных В.А.* Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг.: монография. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. – 244 с.

16. Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923 гг. – М., 1924. – 481 с. – (Труды ЦСУ; Т. 18).

17. Сельское хозяйство России в XX веке: статистический сборник / под ред. Н.П. Огановского. – М., 1923. – 340 с.

18. Сельское хозяйство Сибирского края. Вып. 1. Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. – Новосибирск, 1926. – 260 с.

19. *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября: к вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1966. – 472 с.

AGRARIAN ECONOMY OF SIBERIA DURING THE WORLD WAR I AND THE CIVIL WAR: THE PROBLEM OF INTERPRETING STATISTICAL SOURCES

V.M. Rynkov

Institute of History SB RAS,
Novosibirsk

vadsvet@list.ru

Agricultural statistics data are analyzed through supplementary types of sources, which provide a critical look at the key statistical sources – agricultural census in 1916, 1917 and 1920. The cross-sectional analysis of statistics, record keeping and narrative material have enabled the author to conclude that the growth of agricultural production in Siberia during the World War I, as it is drawn from well-known statistical sources, can hardly be considered reliable, with the production growth still rising according to some indicators even during the Civil War.

Keywords: agricultural census, acreage, crop yield, livestock, statistical recording

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.2-42-50

References

1. Gorushkin L.M. *Sibirskoe krest'yanstvo na ru-bezhe dvukh vekov (konets XIX – nachalo XX)* [Siberian peasantry between to ages (the end of XIX – beginning of XX)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1967. 412 p.
2. *Grupповые итоги sel'skokhozyaistvennoi perepisi 1920 goda (po guberniyam i raionam)* [Group results of agricultural census 1920]. Moscow, 1926. 380 p.
3. Il'nykh V.A., Nozdryn G.A. *Sel'skoe khozyaistvo Sibiri v 1890–1920-e gg.* [Agricultural economy of Siberia in 1890–1920]. Novosibirsk, Institut istorii SB RAS Publ., 2007. 107 p.
4. Gushhin N.Y., ed. *Istoriya krest'yanstva Sibiri*. V 5 t. T. 3. *Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma, 1917–1937 gg.* [The history of Siberian peasantry. In 5 vol. Vol. 3. Peasants of Siberia in the period of building socialism, 1917–1937]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1983. 392 p.
5. Krott I.I. *Sel'skokhozyaistvennoe predprinimatel'stvo: povedencheskie strategii i praktiki v usloviyakh transformatsii sibirskogo obsbchestva (1914–1920 gody)* [Agricultural business: behaviour strategies and practices under the conditions of Siberian society transformation (1914–1920)]. Omsk, OmGPU Publ., 2010. 336 p.
6. Krott I.I. *Sel'skoe khozyaistvo Zapadnoi Sibiri, 1914–1917 gg.* [Agricultural economy of the West Siberia, 1914–1917]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 2011, no. 11, pp. 103–118.
7. Kushnir E.N. [Agricultural economy development in Siberia during the World War One]. *Voprosy metodologii i istorii v rabote molodykh uchenykh: sbornik statei* [Young researchers' studies on methodology and history: digest of articles]. Omsk, 2011, no. 4, pp. 120–126.
8. Ostrovskii I.V. *Materialy sel'skokhozyaistvennykh perepisei 1916 i 1917 godov kak istoricheskii istochnik* [Materials of agricultural census of 1916 and 1917 as a historical source]. *Krest'yanstvo Sibiri v period razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma: sbornik statei* [Siberian peasantry during of feudalism decay and capitalism development: digest of articles]. Novosibirsk, 1979, pp. 112–122.
9. Governorate results of All-Russian agricultural and land census 1917 of 52 governorates and regions. Moscow, 1921. 92 p. (In Russian)
10. Preliminary results of All-Russian agricultural census 1916. Iss. 3. Step region, Siberia and Far East. Governorate, district results. Petrograd, 1917. 131 p. (In Russian)

11. Pronin V.I. Skotovodstvo Sibiri XIX – nachala XX vv. (k statistike voprosa) [Livestock breeding of Siberia XIX – beginning of XX century]. *Iz istorii Altaya: sbornik statei* [From the history of Altai: digest of articles]. Tomsk, 1978, pp. 95–130.
12. Pronin V.I. *Sibir' v sostave vserossiiskogo i mirovogo rynkov v nachale XX v. (1897–1917 gg.)* [Siberia as a part of All-Russian and world market at the beginning of XX century (1897–1917)]. Novosibirsk, NSTU Publ., 1999. 89 p.
13. Rynkov V.M. [Grain production during the World War One]. *Ezhegodnik po Agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*. 2012. *Tipologiya i osobennosti regional'nogo agrarnogo razvitiia Rossii i Vostochnoi Evropy X–XXI vv.* [The agrarian history of Eastern Europe yearbook. 2012. Typology and characteristics of the regional agricultural development in Russia and Eastern Europe X–XXI centuries]. Moscow, Bryansk, 2012, pp. 291–298.
14. Rynkov V.M. [Grain production in Siberia during the revolution and the Civil war]. *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX – nachala XXI v.: materialy II vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Economic history of Siberia XX – beginning of XXI century: materials of II Russian Scientific Conference]. Barnaul, 27–28 June 2009, pp. 152–159.
15. Rynkov V.M., Il'inykh V.A. *Desyatiletie potryaseniia: sel'skoe khozyaistvo Sibiri v 1914–1924 gg.* [The decade of shock: agricultural economy of Siberia in 1914–1924]. Novosibirsk, Institut istorii SB RAS Publ., 2013. 244 p.
16. *Sbornik statisticheskikh svedenii po Soyuzu SSR, 1918–1923 gg.* [The collection of statistical information of the USSR, 1918–1923]. Moscow, 1924. 481 p.
17. Oganovskiy N.P., ed. *Sel'skoe khozyaistvo Rossii v XX veke: statisticheskiy sbornik* [Agricultural industry in Russia in XX century: collection of statistical information]. Moscow, 1923. 340 p.
18. *Sel'skoe khozyaistvo Sibirskogo kraia*. Vyp. 1. *Materialy po kharakteristike sibirskogo sel'skogo khozyaistva* [Agricultural industry of Siberian region. Iss. 1. Materials characterization Siberian agriculture]. Novosibirsk, 1926. 260 p.
19. Tyukavkin V.G. *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya: k voprosu o formirovanii sotsial'no-ekonomicheskikh predposylok sotsialisticheskoy revolyutsii* [Siberian village on the threshold of October (Revisiting the formation of social and economic pre-requisites of socialistic revolution)]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 472 p.